

ОДАРЕННОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МАКРОКУЛЬТУРНЫХ УСТАНОВОК ЛИЧНОСТИ

Длительное время в исследовании проблемы человеческих способностей существовало достаточно четкое разделение сфер логико-теоретической, эстетико-художественной и духовно-практической деятельности. Для первой из них предполагалось ярко выраженная способность оперировать четкими логическими категориями, строго дифференцированными и утонченно рафинированными понятиями и их сочетаниями, в пространстве абстрактных возможностей - т.е. в русле виртуальных реальностей в строгом смысле этого слова. Для эстетико-художественной деятельности предполагалось наличие утонченной способности к построению образного мира, отличающегося насыщенной эмоциональностью, чувственной конкретностью и статусом значимых решений на фоне уже предложенных моделей художественного плана. Предполагалось, что пространство виртуальной реальности в этом случае заполняется системами решений, каждое из которых способно выдержать проверку на вкусовую значимость, образную завершенность и определенную продвинутость в ряду уже созданных решений данного типа. Наконец, третья сфера предполагала воспроизводство «кентавров»: логико-теоретические решения получали конкретное воплощение. И обратно, из образов художественно-образного порядка извлекались логико-смысловые уроки и рекомендации политического, нравственного и «технологического» порядка.

Хотя подобное разделение встречается и в наши дни, к настоящему времени все более широко заявляет о себе так называемое «научное искусство» - система деятельности, использующая, с одной стороны, сциентистские концепты в художественном творчестве. А с другой – осмысливающая результаты научной деятельности в категориях, релевантных проблематике научного творчества и прогнозирования ключевых проблем, от которых зависит подготовка и обеспечение смены научных парадигм².

Данная тенденция смягчила ранее казавшееся обязательным противопоставление функции «правого» и «левого» полушария коры головного мозга. Параллельно утратили свою императивную обязательность методики духовного формирования и становления способностей «физиков» и

¹ silvari@mail.ru

² Научное искусство. I Международная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. М., 2012.

«лириков». Все чаще стали обсуждаться биографические особенности личностей со сходной свободой проявивших свои способности в научной и художественной сферах. К ним, как известно, относится физик и композитор А. Бородин; философ, поэт и незаурядный музыкант Б. Пастернак; писатель, художник, философ, логик А. Зиновьев; известный специалист по математической топологии пространства и «по совместительству» книжный иллюстратор «Мастера и Маргариты» М. Булгакова А. Фоменко³, получивший общероссийскую известность своей экстравагантной «альтернативной хронологией русской истории».

«Феномен Леонардо» заставил внимательнее отнестись к сходным личностям, проявившим себя на определенных этапах развития национальных культур. Ломоносов и Гёте, Льюис Кэрролл и П.А. Флоренский, по праву именуемый «русским Леонардо», - наглядные воплощения успешного сочетания творческого воображения, логико-математических (абстрактно-теоретических) и художественных способностей. Как известно, У Флоренского они проявились и в сфере прикладного знания (геометрии, искусствоведения, теории перспективы, физико-химических свойств диэлектриков и т.д.), где достигнутые им успехи впечатляюще и общеизвестны.

Одаренность всегда была и остается главным источником и неиссякаемым ресурсом творческой инновационной деятельности во всех сферах общественной жизни, - от политики до ювелирного искусства. Ее критерии в конечном счете находятся в «сухом остатке» результатов творческой деятельности личности, когда эта деятельность уже завершена в целом, либо когда определен более или менее законченный этап реализации личностью того или иного творческого проекта, оказавшегося более глубоким, более целостным, более перспективным по сравнению с ранее достигнутыми. В результате основное содержание оценки одаренного человека оказывается запаздывающим, подводящим итоги состоявшейся творческой деятельности или какого-то ее этапа. Воздается должное климату воспитания ребенка родителями в семье (начиная с грудного возраста, если не с пренатального периода); дошкольному воспитанию и общению ребенка со взрослыми и себе подобными; влиянию школы на формирование устойчивых творческих интересов и способов их успешной реализации; вузовской научно-педагогической ориентации, закладывающей возможности разработки и реализации тех или иных профессиональных проектов. Нельзя обойти также «счастливые случаи» общения в формализованных и неформальных группах и т.д.

Скрупулезная фиксация количественных усилий и качественных оценок каждого из названных этапов и своеобразий переходов от одного к другому в их значениях для творческой личности, проясняет в лучшем случае источники заведомого педагогического брака, причины низкого «коэффициента полезного действия» на каждом из участков педагогической

³ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. «Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии. Кн. 1,2»,— М.: Олимп, Олимп-АСТ, АСТРЕЛЬ, 1997, 1999.

работы и при организации переходов между ними. Можно оценить процент выхода количества творчески способных людей по сравнению с теми, кто не проявил себя в качестве творческой личности в статусно признанных областях, отличающихся, как правило, прозрачностью для публичных оценок. Существуют, однако, талантливые и бездарные отцы и матери. Очевидна неоднозначность их влияния на появление одаренных детей и на более или менее устойчивые формы реализации одаренности ребенка. В то же время не существует никакой однозначной методики упреждения родительских ошибок в формировании одаренности на ранних этапах становления личности ребенка.

Общеизвестна шутка относительно семьи Льва Николаевича Толстого, одаренность которого (как, впрочем, и его жены Софьи Андреевны) отмечается всеми биографами этой супружеской пары: «Природа сильно утомилась на родителях, но зато отдохнула на их потомках». При этом потомки, демонстрируя определенные способности в различных сферах, не смогли, - даже когда стремились, - достичь творческого уровня своего великого отца (да и своей исключительно разносторонней матери). Конечно, приходится учитывать и значение той «тени» грандиозного величия, поля исключительной насыщенности интересов, которое отличало эту родительскую пару и, по-видимому, порождало у детей сложные комплексы во взаимодействии с родителями. Нельзя вместе с тем считать, что дети четы Толстых отличались ярко выраженными комплексами неполноценности. Их биографии говорят о том, что все они (за исключением, правда, младшей дочери Александры Львовны) хотели жить как средние люди их круга. То есть – без тех чудовищных перегрузок, которые отличали образ трудовой жизни родителей, постоянно сосредоточенных на решении широкого круга разнообразных задач, взаимодополняющих друг друга. Дети не хотели идти по их стопам, хотя писали мемуары и повести, рассказы, занимались живописью, музыкой и даже (как Лев Львович) пробовали себя на актерском поприще в молодом кинематографе. Результаты, однако, оказывались посредственными. В немалой степени, видимо, потому, что дети Толстых всерьез восприняли (разумеется, в модифицированном виде) ту установку юности молодого дворянина-аристократа, которую сам Л.Н. Толстой обозначил как стремление человека своего круга быть «комильфо». И если автор «Детства», «Отрочества», «Юности» в своих последующих произведениях показал условность, ограниченность и вторичность подобной установки, нивелирующей проявления личностных способностей и тормозящей проявления свободы творчества. Для его детей эта установка (за исключением Александры Львовны Толстой) оказалась, по-видимому, приоритетной.

Предложенная интерпретация может быть дополнена и другой версией, почерпнутой из дневников Льва Толстого. Великий писатель и властелин человеческих душ считал, что его дети бездарны. По-видимому, проявления такой оценки звучали, - если не в его прямых суждениях об их попытках творить, - то, по крайней мере, в сдержанном (если не холодном) тоне, когда речь шла об их творческих достижениях. И трудно быть несправедливым к нему: планка гения недостижимо высока. В дневниках

встречается и одно исключение. В день смерти своего последнего сына – семилетнего Ванечки – осиротевший родитель горестно записал: «Умерла моя надежда». И эта строка – ключ к атмосфере, окружавшей последнего, - как всегда, самого любимого родителями ребенка. За скобками остаются, тем не менее, отношения сыновей и дочерей с нянюшками, гувернерами и гувернантками, с педагогами, приглашавшимися в дом, с преподавателями «Катковской» мужской гимназии, которую посещали сыновья. Не прослежены и годы их студенчества, завершившиеся окончанием университетских курсов и возможностью вести относительно благополучную жизнь. Если и не по меркам Стивы Облонского из «Анны Карениной», то, по крайней мере, без требований срочной уплаты долгов, терзавших Достоевского после смерти его брата Михаила Михайловича до последнего года его жизни. Напомню, что Софья Андреевна всеми силами стремилась защитить имущественные права детей, - что и способствовало развитию конфликта между идейными убеждениями главы семьи и тем образом жизни, который вела семья и который тяготил ее патриарха.

Что же касается Александры Львовны, то привязанность младшей дочери к отцу проявилась в самоотверженной поддержке тех его усилий, которые были связаны с религиозно-реформаторской деятельностью. Наряду с В.Г. Чертковым – душеприказчиком писателя, - Александра Львовна развернула последовательную поддержку позиции отца и была, таким образом, в хроническом конфликте с матерью. Малоперспективен, однако, фрейдовский путь интерпретации их отношений. Александра Львовна реализовала своей жизнью то требование последовательности, которое вытекало из религиозно-нравственного учения своего отца. В этом она, безусловно, проявила организаторские способности и незаурядную волю следовать своим убеждениям в самых неблагоприятных условиях в том числе, и находясь в тюремном заключении (начало 1920-ых гг.). Ее протест против бесчеловечности советской власти, проявленной в ходе коллективизации, повторил протест отца против «стольпинских галстуков». Правда, был другой масштаб репрессий и совсем иная мера риска для протестующей.

Хотя феномен диссидентства известен в России со времен Андрея Курбского (если не ранее), отсутствуют критерии, по которым можно оценить меру одаренности человека, решающего «идти против течения». Особенно когда это «течение» обеспечено экономическими и силовыми возможностями тоталитарного государства. «Комплекс еретика» включает в себя не только противопоставление своей позиции – позиции господствующего большинства, но и часто содержит конструктивные элементы. «Большинство» их или не слышит, или не принимает по соображениям конформизма, диктату власти предрержащих, соображениям прямой личной выгоды. Всемирно известные еретики наших дней, среди которых А.Д. Сахаров и А.И. Солженицын, отличались способностью чутко улавливать токи времени, психологию напряженного ожидания перемен и своими трудами на общественно-политические темы отвечали этим ожиданиям. Другое дело, насколько эти ответы оказались реалистическими и реализуемыми в конкретной

общественно-политической практике. Здесь, как известно, было большое число разнообразных «но», т.е. дополнительных условий, отсутствие которых делало их проекты либо чрезмерно абстрактными, либо несоответствующими реальному состоянию той общественной системы, реформировать которую они предлагали. «Запал» политических страстей, в которых большое место занимали соображения сохранения статус-кво по принципу «не раскачивайте лодку» определили как негативную консолидацию власть предержащих в отношении их проектов, так и нарастание равнодушия к ним со стороны широкой общественности, оказавшейся под влиянием систематической и последовательно направляемой дискредитации сформулированных ими предложений. Достаточно вспомнить срежиссированные провокационные сцены в отношении Сахарова во время его выступления на Съезде народных депутатов СССР в 1989 году; демонстративное равнодушие членов Государственной думы во время выступления Солженицына на ее заседании. Тогда депутаты в голос переговаривались друг с другом, подходили друг к другу, поворачивались спиной к оратору и всеми другими способами выражали свое пренебрежение. Разумеется, не все. Но противники предложений Солженицына задавали тон и сумели нейтрализовать основную часть аудитории. В приведенных примерах прослеживается старая истина, подмеченная русской народной пословицей: нет пророка в своем Отечестве. Правда, как подметил народный бард В. Высоцкий, «в других отечествах» пророков, как правило, принимают не лучше.

Одаренность в харизматической роли пророка включает способность задержать на себе внимание. Если и не всего человечества, то значительных общественных групп. Если эти группы представлены по преимуществу людьми культуры, пророческая деятельность, наряду с неизбежным для нее психологическим воздействием (включая и манипулятивные элементы, без которых не обходится ни один сколько-нибудь заметный оратор) содержит также нечто рациональное, требующее расшифровки, развертывания и перевода в план постановки и реализации конкретных задач. Для последней нужны ресурсы, люди, разнообразные технические условия. Опротечиво ожидать столь основательной и развернутой осмотрительности от пророка. В конце концов, он – талантливый «прожектор», высвечивающий грани и структуры действительности, доселе остававшиеся в тени и играющие существенную роль в соотношении тектонических масс общества. Приведение последних в движение способно создать принципиально новые ситуации, последствия которых не предвидят, как правило, приводящие в движение эти массы. Равно как и те, кто страстно способствовал созданию первотолчков этого движения и полагал, что оно принесет с собой обновление общества. Поэтому другая сторона пророческой активности – ослепленность, зачарованность ожиданием фундаментальных перемен без осознания всего комплекса последствий, которые повлекут они для многих, вовлекаемых в это движение. В том числе, для самих пророков и их ближайшего окружения. Судьбы активных деятелей революций служат наглядной иллюстрацией этих гримас истории, которые первоначально принимают за знаки горячего

одобрения новаторских усилий. «Крот истории» не работает лишь в одном направлении. Он подготавливает обрушение структур, с которым связывают надежды на поступательное движение исторического процесса в интересах достижения большего счастья для большего числа людей. История, однако, всегда оказывалась скупа на дары поступательного движения к добродетели, добру и счастью. Ее плоды лишь на первый укус казались сладкими. Затем следовало разочарование и отрезвление.

Отмеченная противоречивость исторического движения вовсе не ставит под сомнение ни привлекательность пророчества в момент его произнесения и начальной популяризации, ни искренность видения, ни способность пророка приводить в движение пружины исторических изменений. Примечательно, что Солженицын оказался в истории США третьим по счету иностранцем, получившим звание почетного гражданина этой страны. Двумя первыми были маркиз Лафайет, бескорыстно и беззаветно сражавшийся за освобождение американских колоний из-под власти Британской короны. А вторым – Уинстон Черчилль, сыгравший столь важную роль в англо-американской союзе во время Второй мировой войны и в последующем повороте Великобритании и Америки к курсу «холодной войны». В высоком признании Солженицына за океаном – сознание результативности его общественно-публицистической деятельности для США и мирового положения Западных стран. Ключевой результат этой деятельности прозвучал в его формуле: «Часы коммунизма пробили свой двенадцатый час...». Хотя можно оценивать эту результативность в разных и даже полярно противоположных эмоциональных координатах, но нельзя не признать справедливость оценки. Во многом обусловленной появлением «Архипелага ГУЛАГ» и консолидацией мирового общественного мнения против преступлений государственного тоталитаризма.

Спор о степени одаренности Солженицына решает не та или другая группа литераторов или историков, уточняющих фактические детали его трудов и художественные достоинства образов его книг, а вердикт исторических перемен. Именно в свете его и выявляется «сухой остаток» одаренности безусловно незаурядной личности, связавшей свои творческие интересы с выявлением действительного смысла революционных преобразований в России еще в подростковом возрасте. Примечательно, что первоначальный замысел своих исторических работ будущий писатель обозначил в черновиках аббревиатурой ЛЮОР – что означало «Люби революцию». Его творчество, при всем разнообразии сюжетов и жанров, оказалось посвященным сквозной теме трагедии России в 20 столетии.

На первый взгляд, более простой задачей выступает выявление креативных факторов естественнонаучной деятельности. Ребенок с младых ногтей проводит недели в зоологическом музее МГУ, поскольку его мама – биолог – работает по соседству и ей не с кем оставить подрастающее чадо. В результате, не без влияния мамы и при глубоком гуманитарии-отце ребенок становится палеонтологом с мировой известностью. Одно время исполняет обязанности директора строящегося Палеонтологического музея АН СССР.

Вся его жизнь связана с этой наукой, занятия которой обрамлены, тем не менее, основательной гуманитарной культурой и эрудированностью в разнообразных вопросах гуманитарного знания.

Возможны и обратные примеры. Маленькая девочка проводит месяцы на биофаке МГУ, где ее мама ставит многодневные опыты и получает на всю жизнь сознание, что исследовательская работа экспериментатора – не ее удел. Получив признание как уникальный специалист по художественному литью и декоративной эмали, она вынесла из сферы естественных наук способность оперативно и динамично просчитывать ситуации, связанные с решением комплексных задач, отличающих сферу прикладного искусства. Экспериментаторская работа реализовалась в складе точного и практичного мышления, готового прибегать к взаимозаменяемым вариантам решений, дополняющих, в конечном счете, друг друга.

Крупномасштабной и систематизированной экспериментальной работе в науке и технике предшествует в наши дни общий план, система метатеоретических идей, исходящих, в свою очередь, из конstellации исходных принципов, соотнесенных друг с другом. Так, теория относительности, явилась, с одной стороны, итоговым обобщением экспериментальной работы физиков конца 19 – начала 20 столетия, а с другой – попыткой разрешения непреодолимых противоречий, наметившихся в отношениях основных направлений физической теории к этому времени. Как связаны идеи теории относительности с личной одаренностью Альберта Эйнштейна? В биографиях ученого отмечается его устойчивый интерес к обобщенным идеям и представлениям в физике и, вместе с тем, отсутствие соответствия проявлений этого интереса тем критериям одаренности, которые были характерны для педагогов в старших классах гимназии и университетских профессоров физико-математического профиля. Для них Эйнштейн был малоспособным учеником, перебивавшимся с «двоек» на «тройки» и еле дотянувшим до аттестата зрелости. Налицо латентность его способностей для педагогов, - в отличие, как показало будущее, от его соученицы по университету и будущей жены Милены Марич, обеспечившей впоследствии, как известно, математическую проработку основных идей первой публикации по теории относительности, уложившейся в лапидарный текст. Трудовые будни в Бернском патентном бюро после окончания университета имели для Эйнштейна свою специфику: требовалось достаточно оперативно оценивать степень оригинальности предлагаемых технических новаций и отсекал от рекомендаций к выдаче патентов те из них, которые представляли замаскированное воспроизводство уже состоявшихся технических решений, ранее получивших патентное признание. Грубо говоря, работать на основе принципа «дежавю» и быть готовым аргументировать приговор ссылкой на место, время и другие признаки идентификации уже выданного патента. При всей казалась бы монотонности, эта работа потребовала доминантных установок, позволяющих сопоставлять потоки технической информации в типологических характеристиках ее текущих проявлений, видеть сопряженность последних и, соответственно, обращать

внимание на предлагаемые в патентных заявках феномены, которые отступали от типологии и, вместе с тем, не претендовали на нарушение установленных закономерностей механики, физики и химии.

В результате приходилось держать в сознании некий образ Космоса пересекающихся друг с другом и дополняющих друг друга процессов, имеющих некий исток своей целостности, фундаментального онтологического единства. Поиск этой гипотетической целостности потребовал в свою очередь выхода за пределы конкретики как патентных заявок, так и подробностей их описания в категориях известного тогда научного знания. Став прославленным нобелевским лауреатом и центром внимания как сообщества физиков, так и разнообразных кругов околонуучной публики, А. Эйнштейн ответил однажды шутливо на вопрос журналиста: «Как же ему удалось предложить теорию относительности?» - «Большинство детей, - ответил он, - решают для себя вопросы устройства мира и соответственно смысла его пространственно-временных проявлений достаточно рано, к пяти – шестилетнему возрасту, когда с этим миром у ребенка устанавливаются более или менее устойчивые отношения. Я же был ребенком, отстававшим в развитии. Для меня эти вопросы стали значимы в 14-15 лет. С этого времени я и стал задумываться над свойствами пространства и времени. А спустя более чем десятилетие мне пришел в голову первый очерк теории относительности. Ее систематическое оформление потребовало около двух недель». Это, конечно, был лукавый ответ для непрофессионалов. В нем чувствуются следы переживания тех деприваций, которые испытывал незадачливый школьник и студент, и явное компенсационное торжество над более успешными в свое время гимназическими и студенческими однокашниками, оставшимися далеко позади не только на шкале признания научного сообщества, но и на шкале оценок в категориях всемирно-исторического успеха.

До управляемого ядерного реактора и ядерной бомбы было еще далеко. Но после появления теории относительности интенсивность физических исследований приобрела такие параметры напряженности интеллектуального общения и полей взаимодействия научных смыслов, что теоретики физики получили статус пионеров научно-технического прогресса. И это – на фоне рывка авиации, чудес химии и других прикладных проявлений естественнонаучного знания до начала Второй мировой войны.

Как известно, к этому времени А.Д. Сахаров закончил среднюю школу и поступил в Московский университет. В отличие от А. Эйнштейна, его занятия теоретической физикой оказались жестко математизированы. В первую очередь это было обусловлено домашней обстановкой: его отец был широко известным с Советском Союзе преподавателем физики в средней школе, создавшим неоднократно переиздававшиеся учебники по этой дисциплине. В университете Андрей Дмитриевич был одним из учеников Л.Д. Ландау – физика-теоретика, базировавшего свои исследования на виртуозно разрабатываемом и систематически модифицируемом математическом аппарате. Вскоре после окончания университета А.Д. Сахаров получил

предложение работать над теоретическим решением прикладных проблем, связанных с созданием первой советской атомной бомбы, а затем – и термоядерного оружия. Его инструментами были карандаш и бумага, черная доска и мел. А результатами – системы математических формул и выводы из них. Последствия этих выводов и были отмечены высочайшими для советских ученых наградами, засвидетельствовавшими его уникальное положение теоретика ядерной физики в плеяде самых успешных советских физиков этого времени.

Закрытый характер научно-теоретической деятельности Сахарова (а потом и ограничения контактов с коллегами, обусловленные в первую очередь диссидентскими позициями в конце 1960-ых гг. и семилетней ссылкой в город Горький, продолжавшейся до конца декабря 1986 года) исключали научное обсуждение его общетеоретических разработок и вытекавших из них выводов за пределами узкого круга специалистов, имевших государственный «допуск» высшей степени секретности к работам стратегического значения. Как следствие, не были возможны представления в Нобелевский комитет, занимающийся обсуждением кандидатов на премию по физике и смежным с нею научным дисциплинам. Ученые, работавшие над созданием ядерного оружия Советского Союза и его совершенствованием в настоящее время, утверждали в беседах с автором этих строк, что у Андрея Дмитриевича были одна-две приоритетные идеи, соответствовавшие, по их мнению, критериям для получения этой высокой научной награды.

Математические способности академика Сахарова своеобразно проявлялись, по их свидетельству, во время научно-теоретических семинаров. На них обсуждались наиболее актуальные концепции, содержавшие, как правило, детализированный математический аппарат, тщательно подготовленный авторами и обычно многократно перепроверявшийся их ближайшими сотрудниками (и руководством) до вынесения на обсуждение. Поведение Сахарова составляло разительный контраст с поведением большинства ученых, напряженно следивших за системой смыслов представленных формул и развертыванием их значений по ходу изложения: кинув беглый взгляд на доску, Андрей Дмитриевич о чем-то шептался с соседями, посылал записки, отрешенно поглядывал на окно и всем своим видом олицетворял состояние рассеянного человека, мало заинтересованного в содержании научного доклада. Неожиданно раздавался его голос: «Здесь у Вас ошибка!» - «Не может быть, мы много раз проверяли...» - «Ошибка, ошибка в интерпретации выводов из этой формулы!»

Тщательная проверка показывала правоту критика. И подобные случаи бывали неоднократно.

Описанному феномену может быть дано следующее объяснение. Интеллект Сахарова, его «персональный компьютер» на собственных плечах производил подсчеты интуитивно. И при этом – с исключительно высокой точностью. Сказывался гигантский и лавинообразно нараставший объем математико-физической информации, непрерывно пополнявшейся и дифференцировавшейся с начала его становления в школьные годы. На этой

основе сформировалось особое качество оценки «навскидку» систем математических уравнений по принципам лаконичности и красоты структурной целостности. Эстетика красивой формулы превратилась в маркер качественного решения. По-видимому, расхождение промежуточных результатов его внутренней работы с теми, что оглашались во время наглядной демонстрации на теоретическом семинаре, вызывало острое чувство дискомфорта, «зияющей некрасивости», недопустимой диспропорциональности, эмоционально воспринимаемой как алогичность. И требовавшей немедленной проверки всей системы доказательства, чтобы выяснить причину этого острого, поистине невыносимого переживания. Требование красоты и законченности было характерно, как известно, еще для Н. Бора, публично заявившего: «Это доказательство не пройдет! Оно некрасиво». Возможно, данный феномен психологии А.Д. Сахарова может послужить дополнительным аргументом в пользу целесообразности раннего начала математического образования детей, проявивших ранние способности к счету и быстрому освоению элементарных математических операций.

Правда, такой аргумент убедителен, если речь идет о перспективах подготовки способных к математическим расчетам и математическому проектированию. Насколько применим он к метапроектированию более высокого, онтолого-философского порядка, проявившегося в научном творчестве А. Эйнштейна?

Еще сложнее проблематика рекомендаций, относящихся к вербально-образному, музыкально-образному и изобразительно-образному творчеству. А тем более – к их синтезу во многих видах синтетических искусств – театр, кинематограф, хореография и др. Азбучными истинами звучат соображения, что детей надо знакомить с началами этих искусств и расширять их знакомство, прививая элементарные навыки практической деятельности в них. То есть – учить рисованию, пению, игре на музыкальных инструментах, фотографированию и монтажу фотографий с музыкальным сопровождением и с комментариями смысла того, что зафиксировано соответствующей съемочной техникой. По-видимому, здесь, как и в игре в шахматы, происходит интериоризация навыков пользования средствами выражения духовного состояния и развитие способности «взаимодополнения» этих навыков, когда движение соответствует мелодии и ритму музыки, изображение обретает ритм и музыкальное звучание, слово передает не только грани и оттенки смысла в целостных композициях, но и обретает музыкальность.

Разумеется, перечисленные требования составляют перечень сверхзадач, реализация которых обретает специфичность в зависимости от множества факторов. Среди них личность самого обучаемого играет решающую роль. Равно как и своевременная оценка компетентным педагогом его состояния. В биографии Н. Бора приводится свидетельство о том, как в детстве он засмотрелся на окружающие предметы до такой степени, что полуоткрыл рот. На окружающих посторонних людей это произвело такое впечатление, что одна сердобольная дама посочувствовала его матери: «Бедная мать!»

Нелишне напомнить, что повторение подобных реакций создает вокруг ребенка и его родителей особую атмосферу ощущения совершающейся пожизненной трагедии, и несомненно может привести к тяжелой психологической травме. Если же такое состояние вызовет некомпетентные рекомендации психологов и педагогов, то их последствия могут стать разрушительными для личности, предельно осложнив и затруднив ее успешную социализацию. Разумеется, трудно судить и о судьбе возможных задатков ее одаренности.

Отсюда, между прочим, общим правилом является снисходительность педагогического коллектива и внешнего окружения к необычным привычкам и особенностям поведения. Например, будущий профессор, обретший всероссийскую известность как исследователь русской философии, отличался в студенческие годы такой особенностью, как непрерывное раскачивание корпуса своего тела вперед и назад при деловых разговорах и частных беседах с соучениками, преподавателями любимой девушки. Поскольку это происходило на философском факультете МГУ, снисходительность окружения позволила не акцентировать внимание на этой особенности как на существенном недостатке нейрофизиологического порядка. К старости эта особенность исчезла, - перейдя, возможно, в систему микродвижений, незаметных для большинства. Другой всемирно известный исследователь культуры, с детства страдавший сниженным иммунитетом, являлся на общие лекции в шапке-ушанке с завязочками, бантом соединенными под подбородком. Эта привычка, проявлявшаяся ранней весной и поздней осенью, поначалу покровила окружение и осталась едва ли не исходным моментом в характеристике внешнего облика будущего ученого, знания которого отличались исключительной эрудицией и глубиной, преломившейся в культурологических исследованиях на разные темы и являющихся ныне фундаментальными в рамках философско-филологического дискурса. При всем разнообразии оценок, сочинения этого автора являются и еще на долгое время останутся фундаментальными для мировой и отечественной науки.

Терпимость окружения к непривычным особенностям одаренного человека сочетается с профессиональной требовательностью к качественным проявлениям этой одаренности, то есть - к воплощению исходных замыслов в формы, претендующие на качественно новое слово в определенной области деятельности.

Можно, разумеется, применять к этим воплощениям количественные методы их оценки. Например, фиксировать разнообразие понятийного словаря и частоту появления в нем нетрадиционных сочетаний и компоновок. Или – скорость решения той и другой творческой задачи, позволяющую выстроить определенные рейтинги соревнующихся участников того или другого конкурса. Нелишне задаться и вопросом о частоте использования положений того или другого автора исследователями, принадлежащими к его профессиональному кругу или к числу людей смежных исследовательских профессиональных групп. Популярность той или иной публикации, равно как и частота исследовательских работ, могут также свидетельствовать о

работоспособности творческой личности и усердия ее в разработке проблематики, представляющей научный или иной общественный интерес.

В России, однако, существует анекдот советских времен. Руководитель Тульского объединения Союза советских писателей докладывает о состоянии дел своего ведомства: «До революции 1917 года в тульской губернии был только один писатель, а в настоящее время в Тульской области работает 26 писателей». Докладчик забывал, однако, добавить, что «единственным» писателем был Лев Толстой.

В истории науки и искусства известны и случаи единственной публикации фундаментальной научной работы или художественного произведения (подготовительные материалы не идут в счет, да и часто намеренно уничтожаются автором, его близкими, душеприказчиками, да и случайными людьми, в руках которых оказались архивы). К тому же, самые подробные списки публикаций, равно как и художественных произведений, всегда отличаются крайней неравноценностью составляющих их элементов. На оценки этих составляющих влияет утверждение той или иной системы парадигмальных подходов, эстетико-вкусовых и нравственных пристрастий. Политические позиции автора влекут за собой замалчивание его произведений, а то и прямое изъятие их из обращения, намеренную «профилактику» возможных контактов автора с аудиторией. Кроме того, существует феномен моды и, соответственно, пренебрежительная оценка разнообразных творческих феноменов под ярлыком «устаревшего», вышедшего из моды, неактуального, неудобного и т.д.

История политической цензуры в Советском Союзе и в других странах социалистического лагеря знает ряд примеров сознательного и последовательного блокирования контактов духовного мира автора с мирами его потенциальных читателей, зрителей и слушателей. Во многих случаях эта практика «Министерства Правды» калечила души способных творцов, переакцентировала установки других, не менее способных, вынужденных заботиться о «проходимости» (публикабельности) своих произведений и тем самым непоправимо калечивших свои замыслы, а в конечном счете, и свои творческие возможности. Маски прирастают к лицу, - гласит народная мудрость. Она касается и области творчества, не существующей без одаренных людей с оригинальными творческими навыками, неповторимым своеобразием их реализации и, как правило, со сложным миром собственного жизненного опыта.

Названные особенности творческой личности исключают в качестве эффективных и перспективных усилия их воспитателей прилагать одинаковые шаблоны к неповторимо своеобразным людям. Возможно лишь следование нескольким стандартным правилам. **Первое из них – открытая система ориентаций**, предлагающая наряду с апробированными навыками, материалами и содержанием деятельности принципиально новые направления их восприятия, преломления и воплощения. Одаренный человек, приобщаясь к грамоте профессиональной деятельности, то есть к ее исходному «джентльменскому набору» средств и идей, должен знать, что ни то, ни другое

не исчерпывается предложением. В этом отношении характерен пример советского художника Анатолия Зверева, получившего международное признание на Московском фестивале молодежи и студентов в 1957 году из рук Ренато Гуттузо и остававшегося «под подозрением» на протяжении всей своей творческой жизни. Подозрение стимулировалось отсутствием у А. Зверева систематического образования в творческой художественной школе, беспорядочностью жизни, беспечностью в обращении со своими рисунками, непредсказуемостью поведения в общении со случайными людьми (он мог исполнить эскиз папиросным окурком, окунаемым в краску, губной помадой и многими другими подручными средствами). В результате оценки его состоятельности как художника следовали схемам официальной критикой. Она имела в своей основе интерпретацию творческой манеры Моцарта его духовным антагонистом (по версии Пушкина), - Сальери. Согласно Пушкину, музыка была для последнего, математически обоснованным, строго расчисленным и неумолимо последовательно организованным звуковым действием. Импровизационный дар Моцарта, позволяющий свободу обращения с музыкальной матрицей и демонстрирующий возможности шутивно-иронического отношения к музыкальному творчеству, беспечность и мнимую легковесность, вызывал у Сальери стойкое неприятие, оправдывающее необходимость устранения творческого соперника (не будем входить в подробности исторических фактов, не совпадающих с пушкинской версией).

Таким образом, история дает ряд вариантов обретения творческой состоятельности людьми, не разделяющими убеждений друг друга и не следующих одинаковым рецептам достижения творческих результатов. Проницательно замечание А.А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда»...

Вторая из рекомендаций – терпение в постановке исходных навыков профессиональной грамотности и готовность к их совершенствованию. Часто – путем упрощения и без того уже упрощенного и разнообразием комбинаций уже упрощенных элементов. Часто такой подход воспринимается как посягательство на основы основ, проявление стремления к минимализации трудовых усилий, небрежность в отношении к серьезному творческому труду. И подобные оценки бывают справедливыми, - особенно в тех случаях, когда педагог встречается с детским и юношеским нигилизмом, а то и с инфантилизмом взрослого человека, отвергающего элементарное. Важно не пропустить шансов на появление эйнштейнов в одном из направлений творческой деятельности. **Третье правило состоит в том, что отрицательная оценка целостного творческого произведения не должна выноситься педагогом,** особенно в тех случаях, когда его ученик основательно потрудился, «горел» творческим замыслом и довел его до завершения с точки зрения элементарных претензий к качеству законченности. Как известно, совершенство не знает границ, и важно не убрать возможную ступеньку на пути движения по его лестнице, а сделать ее платформой последующих творческих шагов. Возможно – в направлении продолжения сделанного, а возможно – и по пути критического преодоления предыдущего

этапа творчества. Изменение векторов творческих усилий, пересмотр и даже «измена» прежним творческим принципам – обычное дело в творческой жизни. Судить окончательно о месте и значении каждого из ее этапов можно лишь на основании определенной временной дистанции. Поспешные оценки скорее имеют травмирующий личность эффект, - чем помогают ей разобраться в собственном «хозяйстве». К тому же они провоцируют инстинктивное стремление творца закрыться от критики и тем самым сужают точки взаимодействия его с компетентными судьями и расширение знания возможностей и лимитов собственной аудитории. Каждый творческий человек имеет такую аудиторию, включая и ученых. Его слышат лишь сторонники разделяемой им научной парадигмы.

В-четвертых, творческие способности не проявляются равномерно ускоряющимися способами. Кривая их развития сложна, мало предсказуема и является скорее совокупностью линий, соединяющих точки действительно достигнутых успехов. Сами критерии достижения зависят не только от внутренней уверенности автора, но и от степени признания, одобрения, принятия созданных им произведений профессионалами (а в случае искусства – и той частью публики, которая имеет более или менее развернутые знания об истории художественного творчества, - по крайней мере, в тех областях, к которым относится оцениваемое ею произведение).

Вера художника, ученого и мыслителя в свое призвание, то есть резистентность к воздействию неблагоприятной среды, составляет пятое условие формирования и реализации одаренности. Эта вера поддерживает их в ситуации творческих неудач, разнообразных жизненных и профессиональных испытаний с их неизбежными конфликтами, состоянием противоборства, тупой несправедливостью и с проявлениями самой черной зависти. Правда, эта вера сопрягается с воспитанием самокритичности, то есть способности личности по внутреннему «гамбургскому счету» оценивать действительное содержание того, что он совершил. Восторги здесь редки. Хотя они бывают. Так, поставив последнюю точку в своей трагедии «Борис Годунов», Пушкин, находясь в ссылке в Михайловском, бьет в ладоши и кричит самому себе: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!». Так А.И. Солженицын, вернувшись из Москвы в Рязань после получения окончательного решения Н.С. Хрущева опубликовать в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича», говорит Наталье Решетовской: «Взошла моя звезда...» Вместе с тем, самоуверенность и самодовольство неуклонно губят не только одаренного человека, но и крупные таланты. А трудолюбие и внутренняя целостность последовательности в постановке и осмыслении текущих творческих задач развивает и укрепляет их.

V.S.Glagolev

**ENDOWMENT THROUGH THE PRISM OF INDIVIDUAL
PLANTS MAKROKULTURNYH**

The article discusses the specifics of determining the parameters of talent of the creative personality. For a long time to study the problem of human abilities has been made to contrast the ability of the logical and artistic imagery. However, analysis of specific examples of creative work shows considerable variation in behavior and preferences of creative people ("Leonardo phenomenon"). There are a number of standard requirements, allowing teachers to focus on identifying and developing opportunities for potential gifted person, even in cases where its presence is not obvious. Among them: patience in setting the basics of professional competence; open system orientation, a ban on categorical rejection of the results of creativity on the part of the teacher and the willingness to self-improvement by the student, gifted person faith in his vocation, and as a consequence, the resistivity of the negative effects of the environment.

Keywords. Education, philosophy of education, creative personality, makrokulturnye installation behavior, giftedness, "Leonardo phenomenon".

